

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК РАЗРУШЕНИЕ ДЕКАЛОГА: ПРИМЕР СЛОВЕНСКОЙ ДРАМЫ

Криштоф-Яцек Козак –

доктор филологических наук,
профессор, научный советник,
факультет гуманитарных исследований,
Приморский университет,
Титов трг, 5, Копер, Словения, SI-6000.
kjkozak@fhs.upr.si

Аннотация

Традиционной структуре общества присущи некоторые ключевые характерные особенности, в числе которых, в первую очередь, — пространство, личное и общественное, а также общие ценности. В настоящее время именно эти характерные особенности претерпели существенные изменения, а вместе с ними и ценности или, точнее, их использование; что и стало основной темой пьесы словенского писателя Винко Мёдерндорфера «Десять», представляющей солиптический и одновременно эгоистический мир, где господствует исключительно еще только мамона. Речь идет о фундаментальном распаде общества, и большой вопрос: что останется от него?

Ключевые слова

Декалог, Винко Мёдерндорфер, ценности, глобализация, современный мир, Зыгмунт Бауман, словенская драма.

GLOBALIZATION AS THE DESTRUCTION OF THE DECALOGUE: AN EXAMPLE OF SLOVENIAN DRAMA

Krištof Jacek Kozak –

Doctor of Sciences, Full Professor,
Scientific Adviser,
Faculty of Humanistic Studies,
University of Primorska,
Titov trg 5, Koper, Slovenia, SI-6000.
kjkozak@fhs.upr.si

Abstract

Traditional form of society includes certain characteristics, such as space, private and public, and common values. Currently, exactly these peculiar properties went through fundamental changes, and as a consequence, the values and their use had changed drastically. This became the topic for Slovenian writer Vinko Möderndorfer's play "Deset" ("Ten"), which shows a solipsistic and egoistical world ruled only by the Mammon. It describes the essential devolution of society and the question arises, what remains after its demise.

The article is translated from Slovene into Russian by Yulia A. Sozina.

Keywords

Ten commandments, Vinko Möderndorfer, values, globalisation, contemporary world, Zygmunt Bauman, Slovenian drama.

От самого своего сотворения человек постоянно сталкивается с большой «проблемой»: и эта «проблема» — его ближний, конкурент во всех начинаниях и желаниях; за ней следует еще одна — сосуществование (или сотрудничество) с этим ближним. С одной стороны, со своим ближним человеку было легче выживать, но как только непосредственная опасность миновала, ближний становился уже угрозой. Покуда люди еще пребывали в раю (если, согласно с темой статьи, сосредоточиться на теории сотворения мира), подобных проблем они не могли себе даже представить, но когда, обманутые, оказались по ту сторону врат, их взаимоотношения стали столь запутанными, что Бог был вынужден дать Моисею сразу десять заповедей, чтобы в соответствии с ними люди упорядочивали свою жизнь. Тем самым был заложен краеугольный камень для формы человеческого сосуществования, называемой сегодня «общество».

Традиционная структура общества, существовавшая вплоть до настоящего времени, то есть на протяжении практически всей истории человеческой цивилизации, обладала рядом характерных особенностей. Соотнося основные заповеди Закона Божьего с современным обществом, попробуем опереться на труды известного польского социолога З. Баумана (1925–2017) и его книгу «Глобализация. Последствия для человека и общества»¹, который в качестве исходного называет принцип ограниченного пространства. Дело в том, что Бауман доказывает: ограниченность географического положения — деревни, города, самое большое — области, — определяет и людей, в них проживающих. Поскольку для перемещений в пространстве людям в основном приходилось прилагать значительные усилия, как следствие появилось весьма прочно связанное сообщество, элементы которого в ощутимой мере зависимы друг от друга. Один из краеугольных камней такого традиционного сообщества представляет собой власть (то есть «опекун», следящий за нормами и законами), которая непосредственно связана со своими подданными / гражданами. Это значит, что она следит за ними из непосредственной близости, одновременно с этим принимая на себя и ответственность за их существование, а также за существование общества. Такое общество обеспечивает людям принадлежность друг к другу и тем самым идентичность, а также — что будет совсем не лишним упомянуть — ощущение защищенности. Дело в том, что именно последнее для существования каждого индивида в определенном сообществе является ключевым моментом. Конечно, правда и то, что определенная ограниченность пространства вызывала бóльшую концентрацию интересов (зачастую противоположных), а тем самым и бóльшую вероятность конфликтов, что весьма убедительно использовала и демонстрировала, например, классическая традиция, однако это был все еще мир, устроенный по определенным сообществом правилам.

¹ *Bauman Z. Globalization: The Human Consequences. New York, 1998; Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. с англ. М.: Весь мир, 2004.*

Правители и управляемые были объединены в некий «Гордиев узел» взаимозависимости и ответственности. Этот мир принадлежал людям, в нем жившим. И потому верны замечания апологетов современных форм общества о том, что традиционная структура была негибкой, малоподвижной, из-за чего в свое время подошла к крайней точке. Ее дальнейшая эволюция могла протекать исключительно в направлении демонтажа.

Второй момент, являющийся в равной мере ключевым для традиционного общества, — это соотношение между общественным и личным, касающееся уже вопросов ценностей, благодаря которым между этими сферами достигается равновесие. В традиционном обществе люди были его органичными составными частями: они принадлежали ему, и оно из них состояло. Люди, так сказать, являли собой общество, поэтому категории личной и общественной сфер ясны, причем суть общественного состояла в том, что последнее принадлежало всем. У всех членов общества был доступ к городской агоре² или к деревенской липе; у всех полноправных членов общества было право участвовать в общественной жизни, развивавшейся в соответствии с определенными условиями. Результатом подобного хода событий были двойственные последствия. С одной стороны, участники общественной жизни как индивиды посредством подчинения своих личных интересов интересам сообщества брали на себя определенную ответственность за функционирование сообщества как целого (как правило, интересы сообщества ставились ими выше личной выгоды, ведь наибольшей выгодой для индивида была именно принадлежность к этому сообществу). Однако с другой — именно благодаря этой подчиненности стало возможным, как утверждает Э. Дюркгейм (1858–1917) в своей социальной философии, то, что лишь таким образом люди становились действительно свободными: индивид подчинялся обществу, и это подчинение являлось условием его освобождения: свобода от слепых, не подвластных разуму физических сил, которая достижима благодаря великой и разумной силе общества³. Смысл традиционного общества — в соединении индивида со средой и людьми вокруг него, то есть «упорядочение» мира человека.

Однако именно вышеперечисленные моменты оказались отвергнутыми новым, современным обществом — ради освобождения от ограничивающих «цепей и оков»⁴. Во имя «освобождения от тормозов»⁵ развитие было

² *Агора́* (др.-греч. ἀγορά) — рыночная площадь в древнегреческих полисах, являвшаяся местом общегражданских собраний (которые также по месту проведения назывались агорами).

³ *Bauman Z. Globalization... P. 28.*

⁴ Или «пут и кандалов» — как в русском опубликованном переводе работ З. Баумана: *Bauman Z. Tekoča moderna. Ljubljana, 2002. S. 10; Bauman Z. Liquid Modernity. Cambridge, 2000; Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008. С. 11.*

⁵ Здесь и далее приведены отсылки и к словенскому изданию, которым пользовался автор статьи, и к русскому переводу, сделанному с английского издания.

направлено на все большее открытие пространства (глобализацию) и все больший отказ от регулирования, установка на либерализацию и уничтожение чувства «общественного». «Общественное» утратило свое первенство, которое перешло к личному. Место «общественного» заняли возведенный в абсолют индивид, больше не связанный с сообществом, но наоборот — свободный от обязательств (по отношению к ближним в сообществе), и его права. Во имя прав человека и всего производного от них индивид стал в современную эпоху совершенно независимым и самоцелью для себя самого. Он перестал нести ответственность за общество, напротив, общество взяло на себя ответственность за индивида. Обязательства как связующее начало сообщества, таким образом, потеряли свою действенную силу, а традиционное общество начало распадаться.

Все это возымело важные последствия и для человека. Человек как живое существо (и здесь Бауман отсылает нас к Дидро⁶), кроме всего прочего, является еще и существом рутинным. Рутинность — религиозная, литургическая или будничная, экзистенциальная — цикличностью своих ритмов приносит некий порядок и вместе с ним у-мир-отворенность. И осознание принадлежности к такому рода сообществу, и ощущение упорядоченности (или рутинной повторяемости) мира — освобождают. Они освобождают индивида, в первую очередь, от страха перед неизвестным и неожиданным, то есть от страха за свое существование. Следовательно, общество, основанное на законности, упорядоченности, повторяемости и ценностях, которые признают и которых, что еще важнее, придерживаются все, обеспечивает то состояние, которое развеивает страх, освобождает человека и, собственно, делает из него человека. И поэтому, по Бауману, отсутствие или лишь неясность норм — аномия — худшая из судеб для людей в их борьбе за овладение своими жизненными целями. Нормы *открывают* возможности посредством того, что ограничивают их⁷. (Достаточно представить себе транспортную магистраль без правил дорожного движения.) В своей «освобожденности» современный человек потерял самого себя. Он потерял ощущение прочности / постоянности, которое давало ему упорядоченное общество, а также нормативные и ценностные обязательства, начавшие хиреть из-за все большей «флексбилизации»⁸ мира⁹.

Ценности являли собой связующую ткань любого сообщества. Априори значимые. Так, наряду с вавилонским Кодексом Хаммурапи (около XVIII в. до нашей эры), еврейский этический кодекс (Втор. 5:2–17; а также Исх. 20:1–17), в отличие от ритуального (Исх. 34: 11–26), представлял собой

⁶ Bauman Z. Globalization... P. 29.

⁷ Ibidem.

⁸ Флексбилизация — политика частного бизнеса в области занятости, нацеленная на повышение гибкости во всех вопросах использования наемной рабочей силы.

⁹ Bauman Z. Globalization... P. 10.

один из первых перечней общественных правил. Речь идет о перечислении десяти заповедей, цель которых как раз вышеописанное: с помощью предписания сделать возможным, через ограничение освободить и, определяя условия, организовать ритуальное, гармоничное, упорядоченное и мирное сосуществование людей. Ценности, на которых основываются заповеди, — абсолютные, но именно до той меры, пока иудеи и христиане согласны, что Моисею на горе Синай в виде горящего куста явился и вручил скрижали с заповедями сам Творец. Речь идет об одном из самых непосредственных контактов Бога с человеком в Ветхом Завете; следовательно, и результат чрезвычайно важен. Абсолютность ценностей означает, что они не вызывают вопросов, они действительно абсолютно для всех, значит, они общественные; то есть их нарушение возымеет двойственные последствия: не только для нарушителя, который свой поступок, конечно, должен исправить, но и сверх того, возможно наблюдать еще худшие последствия, собственно для самого сообщества. При нарушении любой из десяти заповедей расшатываются основы его гармоничного существования и даже, по сути, самого его существования. Частное нарушение, таким образом, получает особую интенсивность, «преумножается» и оставляет след на всем сообществе, из-за чего следование десяти заповедям отдельного индивида столь важно для всех.

Совершенно иначе, однако, вопрос нормы и ценностей стоит в современном обществе, где сообщество и общественность сдвинуты на обочину, а на первый план выходит индивид со своими чувствами, желаниями и ощущениями. И оказывается, что нормы, которые больше не служат консолидации сообщества, а, наоборот, используются любым индивидом в собственных частных целях, превращаются, по сути, в свою противоположность и приобретают негативную окраску. Именно эта современная «перевернутость» прежде абсолютных норм и стала темой, которую В. Мёдерндорфер, один из самых плодотворных и востребованных современных словенских писателей: прозаик, драматург, поэт, режиссер, эссеист и т.д., — вводит в свою драматургическую поэму, своеобразную «драму положений» — «Десять»¹⁰. Мёдерндорфер взял за основу оригинальные десять заповедей из 5-й главы Второзакония, Пятой книги Моисея (тем самым избегнув привычного для католического катехизиса толкования). Вместе с тем заповеди (в отличие, например, от «Декалога»¹¹ польского режиссера К. Кисльёвского, 1941–1996), невозможно считать с легкостью, как привычный катехизис, — ведь словенский автор привнес целый ряд новшеств,

¹⁰ В апреле 2012 г. пьеса была показана в рамках Недели словенской драмы в Крапе и номинирована на Премию Грума. Цитаты приводятся по рукописи: *Möderndorfer V. Deset. Rokorís*, 2012.

¹¹ «Декалог» — цикл из десяти телевизионных фильмов польского режиссера Кшиштофа Кесльёвского, снятый в 1989 г. Фильмы не являются буквальной иллюстрацией десяти библейских заповедей.

препятствующих их автоматическому распознаванию, используя принцип «эффекта отчуждения» (по Б. Брехту)¹². Избранные десять божественных заповедей, таким образом, предстают в сложной форме повествования с обоснованием и предсказанием, или объяснением, потенциальных последствий (и, конечно же, всегда наказания). Каждую из них Мёдерндорфер представляет отдельной сценой, однако не в обычном порядке следования, но в соответствии с драматургической линией, продиктованной рамочной историей. В то же время в драме «Десять» идиосинкротически¹³ повторяются некоторые заповеди. Речь идет, по замыслу автора (озвученному им на обсуждении постановки его пьесы на Неделе словенской драмы в Крапе в 2012 г.), о наиболее часто нарушаемых сегодня заповедях, а именно: «не кради»¹⁴, в пьесе повторяемой им дважды, и «не убивай», упоминаемой трижды.

Впрочем, в конце концов, и это оставалось бы в рамках «обычного», если бы Мёдерндорфер не ввел в текст еще и третье «новшество», тем самым переворачивая прямое и интуитивное понимание представленных ситуаций — и ценностей. Речь об «этической перевернутости»: в каждой ситуации показные общественные классические, традиционные ценности используются как их собственная противоположность, они поданы через субъективное восприятие (действующих лиц), их отрицающее и превращающее в «антиценности». Такое понимание Мёдерндорфер раскрывает в том числе и при помощи эпиграфа, отсылающего к книге Н. Хомского «Прибыль на людях»¹⁵: «Наихудшее — падение ангела ценностей. Всех ценностей. Молодые будут дезориентированы. Жизнь станет ничтожной, ничего не стоящей. Это уже происходит. Этого следует бояться. (...) Мир, в котором единственной ценностью являются деньги, — мертвый мир»¹⁶.

Действующих лиц в драме Мёдерндорфера представляют три пары: Юноша и Девушка, Он и Она, Старик и Старуха, которые своей типичностью, собственно, охватывают каждого, воплощая, понятно, три поколения — со своими желаниями, планами, а также противоречиями. Таким образом, автор дает возможность посмотреть динамику всего общества. Сцены, посвященные отдельным заповедям и им соответствующим ценностям, Мёдерндорфер помещает в рамочную историю, являющуюся, собственно, демонстрацией межпоколенческих конфликтов. Все три пары

¹² Или «остранение» по В.Б. Шкловскому.

¹³ Идиосинкротический: 1) сугубо личный, индивидуальный, своеобразный (научн.); 2) связанный, соотносящийся по значению с существительным «идиосинкротизация» (мед.); идиосинкротизация — болезненная реакция, возникающая у некоторых людей в ответ на определенные неспецифические (в отличие от аллергии) раздражители.

¹⁴ Здесь и далее библейские цитаты приведены по: Библия. 2018. Синодальное издание. С благословения святейшего Патриарха Кирилла.

¹⁵ Chomsky A.N. Profit over People: Neoliberalism and Global Order. New York, 1999.

¹⁶ Möderndorfer V. Deset. S. 2.

сидят вокруг большого стола и стараются разрешить общую проблему. Осложнения возникают сразу же, в самом начале пьесы, поскольку участники разговора не могут даже решить — с кого начать. От сцены к сцене разыгрываются различные драматические ситуации, вызванные нарушением заповедей, и, казалось бы, именно обращение к ним могло бы помочь, но нет, все выливается в жестокий финал. Рамочный зачин плавно переходит в сцену первой «симптоматичной» заповеди, а именно — «не кради», тем самым Мёдерндорфер намекает на эгоистическую модель употребления ценностей: среди себя самих персонажи пьесы ищут виновного в возникающем у некоторых из них ощущении, будто бы у них крадут — крадут жизнь. Таким образом повернутая ситуация вызывает, конечно, интуитивно ожидаемый отклик у публики (крадут, безусловно, молодые безработные нахлебники), который драматург тут же отвергает. Вором является не Юноша, которого обвиняют вначале, обкраденными, собственно, оказываются все. У них «крадется» время, утекающее в небытие, и это действующие лица эгоистично воспринимают как кражу своих жизней (Старик со Старухой осознают, что они обкрадены в большей степени, чем молодые пары). Так и во второй раз мотив «не кради» появляется в подобном соотношении: Старуха на смертном одре вербально насилует своего мужа, высказывая ему, что он украл у нее лучшие ее годы и, более того, украл всю ее жизнь. Когда Старуха наконец-то умирает, муж, все это время стоически переносивший все ее нападки, со слезами на глазах долго гладит ее по голове. В обоих случаях речь идет об эгоистичной трактовке естественных взаимоотношений, переворачивании универсальных ценностей, к которым персонажи апеллируют, прикрывая собственное их отрицание. Они оправдывают заповедями свое противоречащее им поведение, болезненно цепляясь за них как возможность доказать ближним свою правоту.

Картина с заповедью «не прелюбодействуй» представляет семью за обедом, где мы ожидаем привычное патриархальное разделение ролей и, как следствие, — злоупотребление супружеским доверием со стороны мужчины. Однако на удивление все происходит наоборот: жена извещает вполне искренне любящего мужа о том, что оставляет его, так как переезжает к другому. Остра как нож и ее лаконичная констатация: что касается детей, она не будет чинить ему никаких препятствий. В этом случае речь идет даже не столько о вопросах эмансипации, ведь это (по крайней мере начиная с ибсеновской Норы) уже излишне, сколько о хладнокровном и расчетливом попрании заповеди во имя собственной выгоды без принятия во внимание и интересов людей, и окружающего мира.

«Не желай имущества ближнего своего» — десятая заповедь. Она проиллюстрирована молодым человеком, служащим коммивояжером, в ситуации ужасного злоупотребления. Юноша, хотя работает бесплатно, должен упрашивать собственника компании, чтобы тот его не увольнял. После того, как тот (словесно) обрушивается на молодого человека, обвиняя в

роптании, становится понятно, что работодатель — этот тот, кто потерял объективное восприятие закона и использует его исключительно в целях собственного обогащения, ведь это он злоупотребляет Юношей, по сути, отбирая у него потом и кровью заработанные деньги, а не наоборот, как можно было бы ожидать. Молодое поколение предстает как жертва безнадежного, бессовестного, эгоистичного злоупотребления низвергнутых ценностей, которые вновь использованы для защиты того, что по сути запрещают.

Далее следует заповедь «почитай отца твоего и мать твою (...), чтобы продлились дни твои и чтобы хорошо тебе было на той земле». Ее представляют мать и дочь. Как гласит закон, дети должны уважать родителей, поэтому мы могли бы ожидать, что и здесь тоже младшее поколение попирает интересы старшего. Но и здесь снова все перевернуто. Старуха считает дочь причиной своей глубинной неудовлетворенности, даже личного поражения как женщины. Именно она обвиняет дочь в том, что та уничтожила ее жизнь, и в причитаниях выражает свое сожаление, что вообще ее родила. Заповедь защищает родителей, но в случае, выхваченном из жизни Мёдерндорфером, вопреки ожиданиям, ей следовало бы защищать бессильную и пассивную дочь.

Из тех картин, что особо врезаются в память, можно выделить и раскрытие заповеди «ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, за вину отцов наказывающий детей до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня. И творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои». Эта сцена для словенцев приобретает особую коннотацию, ведь автор говорит о Юноше, уставшем уже до смерти от своей «работы». Он не может больше выполнять ее, однако вышестоящее начальство требует от него это. Конечно, публика искренне сочувствует Юноше и желает, чтобы он все-таки нашел в себе силы для еще одного, последнего рывка, но когда на лесной поляне оказывается, что молодой человек — палач и убийца невинных людей, у зрителей кровь стынет в жилах. Политическая аллюзия на послевоенную, вне суда и следствия, ликвидацию домобранцев¹⁷, конечно же, более чем очевидна. Война, действительно, — самое явное попрание этой заповеди, особенно, если ведется «во имя Божие».

Принципу перевернутого воплощения заповеди следуют также три варианта раскрытия заповеди «не убивай». В первом Девушка и Юноша показаны в клинике по прерыванию беременности. Девушка несчастна, и логично было бы обвинить Юношу в том, что он принуждает ее к аборту, чтобы им, таким молодым, избежать проблем. Мёдерндорфер в этой сценке переворачивает ситуацию так, что Девушка оказывается тем, кто, соб-

¹⁷ После Второй мировой войны словенские домобранцы (вместе с хорватскими домобранцами и уставами и сербскими четниками) и их семьи, бежавшие в Австрию, были выданы союзными британскими войсками новым югославским властям и по возвращении тайно расстреляны без суда и следствия.

ственно, и хочет медицинского вмешательства, ведь его оплатил ее отец, а вот Юноша даже хотел бы оставить ребенка себе. Впрочем, отец приказал дочери сделать аборт, потому что ему самому жаль, что он не проделал прежде с ней самой, когда она была в утробе матери, того же самого.

В другом случае заповедь не принимает во внимание Юноша, в развернутом монологе описывающий свою жизнь — наполненную всяческими благами, но пустую и потому ненужную. В результате он решает покончить с собой по совершенно нелогичной причине: в первую очередь, из-за скуки, возможно, также из-за свойственной подросткам неопределенности смыслов и ориентиров.

Третья же зарисовка, посвященная заповеди «не убивай», согласуясь с началом, объединяется со всеми заповедями, красной нитью проходящими через всю эту трагичную историю. Так, в ситуации нарушения заповеди оказываются все персонажи, которые теперь воплощают не какие-то отвлеченные драматические эпизоды, но самих себя, чем Мёдерндорфер окончательно замыкает круг, ведущий их к гибели. Если красная нить рамочной истории предназначена поиску способа, как, собственно, найти способ прекратить «кражу жизни», оказывается, что единственным выходом избежать «кражи» — это смерть. Перехитрить смерть можно лишь, не ожидая ее больше, а умерев сразу. Поэтому они решают, что убьют друг друга, ведь хотя у стариков было украдено больше, у молодых меньше, но всех ожидает одна и та же судьба. Первые удушенными умирают Старик и Старуха. У этих двоих уже действительно никто ничего больше не украдет. Последующие картины представляют лишь уже окончание теперь объединенной истории. Первая заповедь, «Да не будет у тебя других богов перед лицом Моим», разрешается смертью Ее. В следующей, «наблюдай день субботний, чтобы свято хранить его», также умирают Он и Юноша. В последней картине, озаглавленной «И есть пустыня в мире», таким образом, остается только Девушка, в заключительном монологе осознающая: «Одна. Ева без Адама во всем мире. Во всей Вселенной»¹⁸. Однако, если приглядеться получше, это относится не только к ней, но и ко всем тем, кто отказался от общности, кто индивидуализировал общество так, что в современном мире каждый одинок и постоянно чувствует себя обкрадываемым. Как отдельные индивиды люди теряют то, к чему более всего стремятся. Становятся «мухами-однодневками»¹⁹, тем более применительно к планетарным катастрофам.

Девушка это выражает следующими словами:

— И врезалась одна планета в другую, и настал конец. Во сне. В кино. В одно мгновение конец всего. Десять заповедей. [...] Конец всего. Не только человека. Всех людей. И смерть всех людей — это настоящее ничто. Никако-

¹⁸ Möderndorfer V. Deset. S. 65.

¹⁹ Ibidem.

го продолжения. Никакой нравственности. Никакого плачущего Бога. Никто во Вселенной не пожалеет о нас. Кто? Что? Существо? Сущность? Ничто. Терпение? Ничто. Ничто. И смысл? Послание? То, что останется. Если останется. Не останется. Смысл чего, если в конце тьма? И будет тьма. Вечная. Когда я досчитаю до десяти, будет тьма²⁰.

Финал у Мёдерндорфера в его планетарном масштабе действительно апокалиптичен и таковым останется, даже если перенести его на микро-, то есть общественный уровень. Низвергнутости ценностей в современном мире — из-за их субъективного, эгоистического использования — отдельно-му человеку невозможно избежать. Следует снова и снова поставить перед собой вопрос о мире и о тех, кто в нем живет. На что сообществу можно было бы опереться, и что действительно объединяло бы людей? Так осмысливается авторский вводный эпиграф. Под вопрос ставятся даже общечеловеческие ценности, ведь они перестали действовать во всей общности одинаково, поскольку сейчас индивиды их присваивают себе и перекраивают под свои индивидуальные потребности.

Конечно, такие метафоры, как *momento mori*²¹ или *danse macabre*²², всегда указывали на равенство всех перед последним Судом (что подчеркивает вечную несхожесть во времена нашего существования в этой *vallis lacrimosa*²³), однако еще никогда мир не был столь заиндивидуализированным и тем самым столь релятивным. Ценности стали абсолютно относительными, ведь они больше не действуют для всех, но лишь для тех, кто, изрекая их, следует им. Важно то, что речь идет не только о людях, в чьих руках находятся рычаги власти, но обо всех и о каждом.

Развенчание ценностей затронуло и Декалог. Заповеди, записанные в Пятикнижии, как свидетельствует Евангелие от Марка, комментировал Иисус. Как мы знаем, десять заповедей можно, согласно ему, свести лишь к двум: «первая из всех заповедей: слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Господь единый; и возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всей душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею». Вторая, подобная ей: «возлюби ближнего твоего, как самого себя. Иной большей сих заповеди нет» (Мк. 12:29–31). Вторая, вмещающая в себя шесть последних заповедей, — основа христианского общества и, по Фрейд-ду, одно из основополагающих этических требований, а потому и основное правило цивилизованной жизни (сравни, например, с Бауманом²⁴), а тем самым, следовательно, фундамент общества как формы цивилизованной человечности. Именно в этом существенная разница между цивилизацией

²⁰ Möderndorfer V. Deset. P. 67.

²¹ Помни о смерти (лат.).

²² Пляска смерти (лат.).

²³ Долина слез (лат.).

²⁴ Bauman Z. Does ethics have a chance in a world of consumers? Cambridge; London, 2008. P. 31.

и просто выживанием, основывающемся на эгоистическом, физиологическом концентрировании на самом себе и не требующем никакого выражения любви. В мире потребителей из равенства исчез наш «ближний», так что осталась еще лишь «мантра» современности, некая одиннадцатая «заповедь»: «возлюби себя самого, как самого себя...».

Все эти превращения, как считает Бауман, произошли с наступлением глобализации, поскольку дело не только в том, что оборвалось ощущение принадлежности к единому сообществу, но и в том, что силы, прежде действовавшие локально, начали выходить за рамки привычного, оказываясь в условиях, прежде неизвестных, а зачастую отрываясь от конкретных людей и конкретного мира и больше не получая от них отклика. Неотвратимым следствием изменения понимания среды стало и изменение понимания окружающих людей и самого себя. Последствием разложения конкретной / локальной среды и была «эрозия общественных и культурных идентичностей», усилившая сомнения в них, люди перестали ощущать себя безопасно, под защитой, ведь территория, из которой изъяли общественное пространство, предоставляет мало возможностей для дебатов о нормах, для противоречий, для столкновений ценностей и их согласования²⁵. Одновременно с этим наступает и изоляция индивида от существовавших ранее общностей, он становится одиноким и потому остро ощущает собственную потерянность в современном «обществе». Такое восприятие пространства нашего *condition humane*²⁶, следовательно, не упростило мир, а наоборот привело к поляризации.

Нынешнее «общество» дошло до разложения как раз той самой любви к ближнему и в современном человеке разожгло некую иную «любовь» — любовь к себе. Другими словами, современная цивилизация зиждется на эгоизме, собственном интересе и прежде всего на поиске собственного «счастья», поэтому и субъективное использование абсолютных норм логично. Таким образом, вновь устанавливается гоббсовская модель *homo homini lupus*²⁷, то есть война каждого против всех. Жить — и это показывает Мёдерндорфер — означает то, что кто-то крадет у нас время жизни, а не то, что мы своими жизнями соучаствуем в (со)творении чего-то большего, чем мы сами, например, нашей общности. Каждый индивид работает только для себя, однако, таким образом, изолированные индивиды суть лишь более легкая добыча «более-не-уловимых» рычагов власти, при помощи которых управляют «те-кто-принимает-решения» где-то на другом конце света.

Современному обществу люди органически больше не принадлежат. Они не являются ее структурной частью, хотя современное общество, на что обращает внимание Бауман, и определяет их как своих членов²⁸. Это

²⁵ *Idem*. *Tekoća moderna*. S. 33.

²⁶ Гуманного состояния (*лат.*).

²⁷ Человек человеку волк (*лат.*).

²⁸ *Bauman Z. Globalization...* P. 41.

значит, что принадлежность, так сказать, «волонтерская», а не органическая; мы можем быть членами, а можем и не быть. Прежде общество не могло просто вот так исключить людей, изолировать их. Сегодня это вопрос соответствия, вопрос выполнения «клубных» правил. Тех, кому общество по тем или иным причинам приостанавливает «членство» в клубе, описывает Дж. Агамбен в своей книге «Homo sacer»²⁹. Это наполовину святые, наполовину проклятые люди, чье существование ничего не стоит, и разрешено их устранить. Сегодняшний глобализованный мир развился в том числе благодаря «радикальному таянию пут и кандалов»³⁰, что вместе с позитивными последствиями принесло и негативные. Мы вступили в мир «текущей современности» (известная синтагма З. Баумана). У тех, кому этот распад традиционного общественного устройства нравится, есть уже новая цель: «исчезновение сил, способных поддерживать вопрос порядка и системы на политической повестке дня»³¹. У людей же, являющихся объектом производства этой силы, почва уходит из-под ног, их охватывает страх, они хватаются за все, что только возможно, чтобы спастись из океана сомнений и вылезти хотя бы на клочок суши. А из-за паники «приветствуется все, что предвещает “принятие на себя ответственности” за “уверенность”» (Э. Фромм «Бегство от свободы»³²).

Одновременно они всё больше и больше подстраивают нормы под себя и все больше и больше гонятся за исполнением своих сиюминутных желаний и (возможно, надуманных) потребностей. И то, и другое ведет индивида ко все большей изоляции, что опять же становится причиной панического поиска им защищенности и определенности. Это делает из человека, по А. де Токвилю³³ (1805–1859), неуверенного и агрессивного «индивида», который из-за этого является самым ярким врагом структурированного общества³⁴, колонизируя и узурпируя под себя общественное пространство³⁵, чье разложение так явно показано у Мёдерндорфера. Однако это черта, переступить которую мы едва бы хотели, впрочем, есть ли кому-то до этого дело?

Перевод со словенского Ю.А. Созиной

²⁹ Человек святой (лат.). — *Agamben G. Homo sacer. Il potere sovrano e la nuda vita*. Torino: Einaudi, 1995; *Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь* / Пер. с итал. И. Левиной, О. Дубицкой, П. Соколова, М. Велижева, С. Козлова. М., 2011.

³⁰ *Bauman Z. Tekoča moderna*. S. 10; *Бауман З. Текучая современность*. С. 11.

³¹ *Ibid.* P. 11; Там же. С. 12.

³² Цит. по: *Bauman Z. Tekoča moderna*. P. 29; *Бауман З. Текучая современность*. С. 28.

³³ Алексис-Шарль-Анри Клерель де Токвиль (фр. Alexis-Charles-Henri Clérel de Tocqueville) (1805–1859) — французский политический деятель, лидер консервативной Партии порядка, министр иностранных дел Франции (1849 г.). Более всего известен как автор историко-политического трактата «Демократия в Америке» (2 тома, 1835, 1840).

³⁴ *Bauman Z. Tekoča moderna*. P. 47; *Бауман З. Текучая современность*. С. 44.

³⁵ *Ibid.* P. 52; Там же. С. 47–48.

Литература

1. Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь / пер. с итал. И. Левиной, О. Дубицкой, П. Соколова, М. Велижева, С. Козлова. М., 2011.
2. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. с англ. М.: Весь мир, 2004.
3. Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008.
4. Bauman Z. Globalization: The Human Consequences. New York: Columbia University Press, 1998.
5. Bauman Z. Liquid Modernity. Cambridge: Polity Press, 2000.
6. Chomsky A.N. Profit over People: Neoliberalism and Global Order. New York; Toronto; London: Seven Stories Press, 1999.
7. Möderndorfer V. Deset. Rokopis, 2012.

References

1. Agamben, G., 2004: *Homo sacer: suverena oblast in golo življenje* [Homo sacer. Sovereign Power and Bare Life]. Ljubljana: Študentska založba.
2. Bauman, Z., 2008. *Does ethics have a chance in a world of consumers?* Cambridge; London: Harvard University Press.
3. Bauman, Z., 1998. *Globalization: The Human Consequences*. New York: Columbia University Press.
4. Bauman, Z., 2004. *Globalizacija. Posledstva dla človeka i obsestva* [Globalization: The Human Consequences]. Moscow: Ves' mir.
5. Bauman, Z., 2000. *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity Press.
6. Chomsky, A.N., 1999. *Profit over People: Neoliberalism and Global Order*. New York; Toronto; London: Seven Stories Press.
7. Möderndorfer, V., 2012: *Deset* [Ten]. Rokopis.